

ЗАРУБИН

— Пока Игорь Андреевич болел дома, кто-то его навещал? — продолжал спрашивать Дзюба. — Кто-то помогал ему в бытовом плане? А в медицинском? Домработница? Сиделка? Может быть, друзья и бывшие коллеги? Не удивляйтесь, мы спрашиваем об этом, чтобы понимать, кто мог иметь доступ к его материалам и наработкам.

Наталья отвечала без особого желания, но, как показалось Зарубину, добросовестно. То и дело морщила лоб, что-то вспоминая, иногда поправляла сама себя. Да, домработница была, сначала приходила два раза в неделю делать уборку, потому что Игорь еще мог сам дойти до магазина, купить продукты и что-то приготовить себе, потом, когда он значительно ослабел и появились сильные боли, стала работать каждый день. За два месяца до смерти пришлось нанять и сиделку. Еще была медсестра, Инга, ставила капельницы, делала уколы и какой-то специальный массаж для снятия болевого синдрома. Конечно, все их контакты у Натальи есть, потому что именно она им платила. Точнее, ее муж. Он давал деньги, а Наталья переводила всем на карты. И перезванивалась с ними периодически, узнавала, как дела у Игоря, как он себя чувствует.

Со слов бывшей жены выходило, что Игоря Андреевича мало кто навещал, визиты гостей с самого начала были редкими, а к концу жизни больного сошли на нет. Когда Игорь умер и оказалось, что по завещанию квартира его отписана Наталье, она растерялась в первый момент. Не ожидала. Игорь ни словом не обмолвился об этом, хотя она ведь разговаривала с ним, пусть не часто, предпочитая узнавать о его состоянии у домработницы, сиделки или медсестры, но все-таки раз в пару недель звонила обязательно. С вопросами наследования она была знакома весьма слабо и плохо представляла себе, что теперь нужно делать, какие бумаги подписывать, и вообще сомневалась, не афера ли это какая-то и не липовый ли нотариус. Мужу решила ничего не говорить, пока не выяснит все точно. И обратилась к тем, кого когда-то знала, пока еще была женой Выходцева. Кто-то из них уже не служил в полиции, но нашлись и действующие офицеры, разузнали, подсказали, помогли. Попутно накопили что-то на девушку, работавшую помощником того нотариуса, раскрутили, вскрыли целую преступную схему. С завещанием Игоря все оказалось в полном порядке, и через шесть месяцев Наталья получила документы о собственности на его квартиру, но оперативники несколько раз беседовали с ней и даже один раз к следователю вызывали.

С того времени двое сослуживцев Игоря, те самые, которые помогали, периодически звонили ей, а бывало, и приходили. Выражали сочувствие, благодарили за то, что материально поддерживала бывшего мужа до последнего дня. Наталья не очень-то понимала, зачем они вообще приходят,

ей казалось, что подобная сентиментальность не свойственна современным полицейским, особенно учитывая тот факт, что умирающего Выходцева коллеги просто бросили на произвол судьбы, но считала для себя необходимым быть любезной и гостеприимной с людьми, которые отозвались на ее просьбу о помощи, хотя и не общались с ней несколько лет.

— К вам постоянно приходят только эти двое полицейских или другие тоже? — спросил Дзюба.

«С языка снял, — с одобрением подумал Сергей Кузьмич. — Я бы тоже об этом спросил. Конечно, можно подумать, что тех двоих совесть замучила, чувство вины, вот они и ходят, но за годы работы в среде полицейских я стал циником и пессимистом, в добрые чувства верить разучился. Нет у них никакой совести, и никакой вины они не испытывают».

— Другие тоже бывали пару раз, — ответила Наталья. — Это дело с нотариусами долгое, так они мне объяснили, поэтому приходится задавать всякие вопросы, я ведь много раз бывала у них в конторе и с той помощницей много общалась, вот опера и выспрашивают разные мелочи и подробности. А разве важно, кто ко мне приходил из полиции?

— Конечно, — уверенно кивнул Роман. — Если им небезразличен Игорь Андреевич, то может оказаться, что они общались с ним в последний период жизни и разделяли его научные интересы. Стало быть, вполне могли и материалы позаимствовать. Имена и телефоны тех полицейских, которые с вами контактировали, у вас есть?

— Есть, разумеется.

— Припомните, Наталья, какие вопросы они вам задавали, чем интересовались. Может быть, предлагали помощь в разборке вещей, когда нужно было освобождать квартиру?

— Да нет, ничего такого. Обычные разговоры: как семья, как дочка, как муж, не жалеет ли он, что столько денег потратил на лечение Игоря, не испортились ли у нас отношения из-за этого. В общем-то, обычный обмен репликами при не-обязательной встрече, когда нужно просто отбить номер. Вы не думайте, я не оболющаюсь на этот счет. Хоть они и говорили, что Игоря на службе очень любили и уважали и все его помнят, но этим словам грош цена, если честно. Я Игоря хорошо знала и понимала, что человек он крайне тяжелый, а работник — так себе, средний, ничего выдающегося. Мне казалось...

Она замялась, на скулах проступили заметные красные пятна.

— Да? — негромко произнес Дзюба.

«Давай-давай, — мысленно подстегнул ее Зарубин. — Мне-то уже давно кажется. Ровно с той секунды, как ты рассказала, где твой муженек бабки заколачивает. Вот интересно, нам с Ромкой правильно кажется или нет?»

— Они про мужа много спрашивали, про его компанию. И я подумала, что... Ну, что они собираются уйти из полиции, сменить работу. Бывшие полицейские обычно очень хорошо зарабатывают, если устраиваются в службу безопасности крупной компании. Если мой муж давал деньги на лечение Игоря, это определенным образом характеризует наши с ним отношения, понимаете?

— Понимаю. Вы полагаете, они рассчитывают на то, что вы можете дать им рекомендацию или как-то еще поспособствовать?

— Ну да. А вы думаете, что дело не в моем муже, а в научной работе Игоря? — с тревогой спросила Наталья.

— Не исключено, — неопределенно ответил Дзюба. — В любом случае мы должны все выяснить и все проверить.

— Как-то странно это, — недоверчиво проговорила она. — Игорь никогда не интересовался наукой. Поверить не могу, что он придумал что-то невероятно ценное, такое, на что кто-то позарился. Он и книг-то не читал, ни художественных, ни документальных, ни тем более научных. Подозреваю, что вы меня обманываете.

В этот момент из соседней комнаты раздался звонкий крик девочки:

— Мам! Я уже нарисовала дом с забором! Можно я в дресс-ап поиграю?

— Нарисуй перед домом будку с собакой, потом решим! — крикнула в ответ Наталья.

— Ну мам! А в феску можно?

— Сначала собаку. И не спорь, — громко и твердо сказала мать.

— Дресс-ап знаю, в нее дочка соседей играет, а феска — это что? — с улыбкой спросил Дзюба.

— Фейс-пейнт.

— А, понял. Так вот, чтобы вы не сомневались насчет научной работы Игоря Андреевича, я вам кое-что покажу.

Он достал айфон и принялся тыкать пальцем в экран.

— Вот эта статья вышла еще при жизни Игоря Андреевича, в начале восемнадцатого года. Один из соавторов — очень известный ученый, криминолог, Стеклова Светлана Валентиновна. Вам это имя ничего не говорит?

Наталья с любопытством взглянула, пробежала глазами пару строк и удрученно вздохнула.

— Я и не подозревала, что все так серьезно. Статья... Профессор... Погодите-ка, — она снова наморщила лоб, — Стеклова... Стеклова... Кажется, сиделка мне говорила, что к Игорю приезжала один раз какая-то пожилая дама, и Игорь называл ее профессором. Надо же, если бы вы не назвали это имя, я бы и не вспомнила тот разговор.

«Пора заканчивать, — подумал Зарубин, посмотрев на часы. — Сидим здесь уже черт знает сколько времени. Ничего нового больше не узнаем, вся информация пошла по второму кругу».

Они горячо и проникновенно поблагодарили бывшую жену Игоря Выходцева, переписали все данные домработниц, сиделок и медсестры Инги, а также тех полицейских, которые звонили и приходили к Наталье, и ушли.

КАМЕНСКАЯ

Двадцать минут, проведенные в компании с Чистяковым за чашкой кофе, вроде бы сгладили неприятное послевкусие от встречи с майором Паюшиным из Управления собственной безопасности. Алексей живо интересовался, как прошла лекция, и Насте даже удалось сделать свой рассказ достаточно смешным.

Они вышли из кафе, и Настя решила проводить мужа до дома редактора, прогуляться, а потом уж возвращаться к своей машине, припаркованной в противоположной от кафе стороне, на платной стоянке.

— Принимаю заказы на ужин, — сказала она, — выкопала в Интернете два новых рецепта из серии «дешево и сердито». Один с бурым рисом, другой с перловкой. Что выбираешь?

— Давай перловку, я ее в последний раз ел на военных сборах, еще когда в институте учился. Там каждый день по два раза перловку давали, то в виде каши, то в виде гарнира.

— Вот не ври! — возмутилась Настя. — А в рассольнике?! Я же только на прошлой неделе его варила, и ты, между прочим, хвалил. Можно подумать, за всю жизнь после института рассольник ни разу не ел!

— Точно! Про рассольник я и забыл. Но в супе крупы мало, а вот в чистом виде любопытно вспомнить, как оно звучит. Я все жду, когда тебе надоест и ты пощады попросишь, — засмеялся Чистяков. — Просишь?

Настя мотнула головой.

— Не-а.

— Упорная, что ли? Или упрямая?

— Ни то, ни другое. Мне правда интересно, Леш. И потом, мы же договорились: пока я не зарабатываю в агентстве, мы пытаемся жить экономно, и мой вклад — готовка из дешевых продуктов.

— Ну смотри. Если что — я всегда открыт для переговоров.

Проводив мужа, Настя вернулась к машине, изо всех сил стараясь не вспоминать о Паюшине. Ситуация ей не нравилась, но Каменская знала по опыту: нужно отвлечься на какое-то время, забыть, думать о другом, чтобы потом взглянуть на картину свежими глазами. Она оплатила парковку с телефона, завела двигатель и включила аудиокнигу.

Добравшись до своего района, остановилась у магазина и отправилась за ингредиентами для блюда из перловки. Овощи нужны самые простые — лук и морковь, травы и приправы дома есть в широком ассортименте, а вот соус терияки закончился, нужно купить, и упаковку индюшачьих грудок прихватить. Небольшая часть, мелко нарезанная, вымоченная в маринаде и обжаренная, пойдет с перловкой, как указано в рецепте, остальное — завтра на котлеты. Хорошо, что в Интернете так много форумов, где люди делятся домашними рецептами и кулинарными секретами!

Раз уж она в магазине, то имеет смысл купить продукты для завтраков дня на три вперед. Ой, а вот какая-то бакалея по акции, макаронные изделия со скидкой, надо брать. И гречка, самая дешевая, с этикеткой «три по цене двух». Такая гречка, Настя знала, разваривается в невнятную кашу, но есть хитрые способы сделать ее более чем приемлемой если уж не для гарнира, то, по крайней мере, для самостоятельного блюда. Способы эти Настя вычитала все на тех же форумах, попробовала применить и осталась вполне довольна результатом. Конечно, с этими покупками впрок придется выйти из недельного финансового лимита, но зато выйдет экономия на две-три следующие недели, и, таким

образом, рамки месячного бюджета нарушены не будут. При всей своей неспособности вести быт, при полном отсутствии хозяйственного рвения и неумении готовить считала Анастасия Каменская все-таки очень хорошо. Если по молодости лет она ухитрялась покупать массу ненужных продуктов, без которых можно было бы прекрасно обойтись, то за последние годы, после выхода в отставку, взяла себя в руки, начала осваивать самые элементарные навыки приготовления пищи и довольно быстро запомнила, на сколько порций хватает упаковки макарон или крупы и на сколько дней хватает пачки сливочного масла или бутылки растительного. «Повар я никакой, — говорила она Чистякову, — зато экономка отличная. Такой талант пропадает!»

Дома Настя подточила нож для мяса, старательно настрогала грудку индейки тонюсенькими полосками, залила маринадом, сделала себе кофе и уселась за кухонный стол лицом к окну. Вот теперь можно и подумать о майоре Паюшине.

За Зарубиным выставили ноги. Вполне возможно, и уши приделали. Просто так? Смешно! При раскрытии даже тяжких преступлений наружку и прослушку на счет «и» не выпросишь, стандартные ответы: «нет свободных экипажей», «нет свободных каналов». Людские ресурсы у МВД небезграничны, равно как и технические возможности. Если бы все происходило в рамках регулярной рутинной проверки оперсостава, то человек из СБ не полез бы к Каменской с разговорами. Стало быть, речь идет не о рутине, а о разработке. Как же могло получиться, что в рамках этой оперативной разработки, в которой задействованы

и наружное наблюдение, и прослушивание телефонных переговоров, на сцену выпустили такого неумелого сотрудника, как Паюшин? Да быть такого не может! Во всяком случае, не должно. Хотя в нынешней ситуации, конечно, может быть все, что угодно, даже такое, что в бреду не привидится. Следователи, не знающие уголовного права, — на каждом шагу. Оперативники, которые ничего не умеют, — не реже.

Итак, получаются два варианта. Первый, он же самый простой: разработка Зарубина такая же неумелая, как майор Паюшин. Кто и зачем ее затеял — второй вопрос. Может, идет война за место начальника отдела, которое временно занял Серега. Тогда ситуация лично ему ничем не угрожает, поскольку он на это место и не рвется. Спит и видит, как бы поскорее вернуться в свое уютное креслице зама. Второй вариант намного хуже: разработка серьезная и тонкая, и тупой Паюшин — ее неотъемлемая часть. Необходимый элемент. И это, скорее всего, означает, что игра идет не против Зарубина, а против Константина Георгиевича Большакова. Им нужно, чтобы полковник в отставке Каменская непременно позвонила Зарубину и нервно рассказала о беседе, состоявшейся в кафе. Ну ладно, раз им надо — она позвонит, ей не трудно. Хотят, чтобы было нервно? Будет. Не вопрос.

ЗАРУБИН

— Имхо, фигня это все про преступную схему с нотариальной конторой, — заявил Дзюба, усевшись в машину. — То есть какое-то дельце, ко-

нечно, было, раз Наталью к следаку дергали, но не такое длинное и сложное, чтобы его больше года разматывать. Сто пудов, вся эта шобла подходы к мужу искала. Транспортно-логистическая компания — лакомый кусок, им источники нужны, и жена, у которой такие доверительные отношения с топ-менеджером, — самое оно. Скажешь, нет?

— Скажу «да», — отозвался Зарубин.

Все правильно им с Ромкой показалось. Не в том дело, что опера присматривали себе новое место работы, а в том, что пытались завербовать Наталью. Компания, в которой исправно и давно трудился ее второй супруг, слишком часто мелькала в делах и о наркотрафике, и о контрабанде. Действительно, лакомый кусок.

— Ты хоть понимаешь, Ромка, как мы все попали? — грустно спросил Сергей Кузьмич.

— Понимаю. Чего делать будем? Пойдешь Большому докладывать?

— А что, есть варианты? — безнадежно ответил вопросом на вопрос Зарубин.

Вариантов не было. Судя по тому, что рассказала Наталья, друзей-приятелей из гражданской среды у покойного Выходцева не осталось уже задолго до смерти. Стало быть, если он с кем и делился своими идеями насчет справедливости и отдаленных последствий, то только с коллегами. Мог кто-то из них настолько проникнуться этими идеями, что возомнил себя учеником и продолжателем? Вполне мог. А могло этих учеников-продолжателей быть двое или больше? Ну, больше-то — вряд ли, а вот двое — уже реально. Владение приемами, свидетельствующее о специальной боевой подго-

товке, возможность получать полную информацию о наличии и состоянии камер наружного наблюдения, умение собирать сведения об образе жизни и маршрутах передвижения будущих жертв — все говорит в пользу того, что речь идет именно о полицейском. Ну что ж, как говорится, больному легче: хотя бы понятно, где искать.

Плохо другое. Если подозреваемый служит в полиции, они обязаны подключать Управление собственной безопасности. И генералу Большакову такой поворот вряд ли понравится.

Зарубин достал телефон, который на время разговора с Натальей ставил на беззвучный режим, и увидел два непринятых вызова от Каменской. Может, хоть она чем-нибудь порадует? Он глубоко вдохнул, постарался настроить голос на «повеселее» и перезвонил ей.

— Ну, Пална, скажи мне три хороших слова — и я буду обожать тебя всю оставшуюся жизнь, — с ходу пообещал Сергей.

— Ты обещал погулять, — слышалось в ответ.

— Чего-о?!

— Ты просил три слова — три и получил. Попросил бы пять — я бы сказала, что ты обещал погулять с собакой.

— Да тьфу на тебя! Напугала аж до инфаркта. А что, есть надежда? Пока я буду гулять, ты закончишь для меня полный обзор научной работы Стекловой?

— Что и когда я закончу — не твое дело. Но ты пообещал — выполняй. Ровно в восемь, не опаздывай, у собаки жесткий режим. И имей в виду, пес мощный, весит много, тянет сильно, невоспитан

и практически неуправляем, ты в одиночку с ним не справишься.

Господи, он знает Настю Каменскую тысячу лет, видел ее и радостной, и восторженной, и уставшей, и расстроенной, и больной, и даже убитой горем. Всякую Настю он повидал. Но никогда, ни единого раза не слышал он такого ледяного холода в ее голосе.

Что-то не так. Что-то не так... Что?

— Поедем в контору, — скомандовал он. — Попробую зайти к Большому, если он на месте. Ты на вечер планов не строй, в восемь мы должны идти выгуливать собаку.

Рыжий Дзюба воззрился на него в полном изумлении.

— Что мы должны?

— Что слышал, — сердито огрызнулся Зарубин. — Пална велела нам подъехать к восьми. Обоим. Там что-то неладно.

— У кого неладно? У нее? Или у собаки?

— Если у собаки, то нам с тобой сильно повезло. Но боюсь, что у нас. Ладно, не будем гадать.

— Кузьмич, надо со следователем что-то решать, время-то к вечеру катит.

— Да блин! — в сердцах выругался Зарубин. — Давай звони ему, скажи, что до конца рабочего дня приедешь. А лучше — напряги все свои способности фантазера и выбей у него срок до позднего вечера. Потом звони Тохе, Колюбаеву и Хомичу, пусть отчитаются, чего они там накопили.

— А если ничего не накопили?

— Не каркай! Ну что за елки-палки на мою голову! — взвыл Зарубин. — Два убийства раскрой,

но так, чтобы всем понравилось, и чтобы хороших людей не подставить, и чтобы плохим парням по сопатке досталось, и чтобы собственную голову убереечь, и еще чтобы прокуратура на тебя не наехала и «гестаповцы» под ногами не путались. Я-боль-ше-не-мо-гу!

Последние слова он буквально выкрикнул по слогам, и столько в его голосе было злости и ненависти, что сидящий за рулем Роман от неожиданности чуть не въехал в идущую впереди маршрутку.

— Ты чего, Кузьмич?

— Ничего.

Зарубин помолчал немного, потом перевел дыхание.

— Ладно, извини, ничего личного. Просто задолбало все это. У нас два трупа, отрядили шесть человек оперов, дали одного из лучших следователей, а что в итоге? Мы уже два дня толчем воду в ступе, четыре человека во главе со следователем пляшут канкан перед юридической общественностью, а реально этими убийствами занимаемся только мы с тобой. А все почему? Потому что политика. Интересы. Столкновения кланов. Борьба за власть и всякое дерьмо вокруг нее. Большой — хороший мужик, на него давят сильно, он на нас надеется, и подвести его никак нельзя. Ему нужно время, чтобы придумать, как выкрутиться, и мы должны это время ему предоставить. Звони Барибану. Потом ребятам всем по очереди. И на громкую связь поставь.

Дзюба послушно ткнул пальцем в экран на приборной доске. Следователь отсрочки не дал. Впрочем, ожидаемо. Ведь если оперативники раздобудут дельную информацию, ее нужно успеть закрепить

документально. Вызвать людей Барибан не успеет, значит, ему придется ехать к ним самому в сопровождении кого-то из оперативников. И Матвея Очеретина обязательно нужно допросить, а это означает либо заказывать конвой и везти его в Следственный комитет, либо выписывать поручение на транспортировку операм, либо допрашивать в ИВС до 18.00. Конвой для срочных случаев выделяют с трудом, нужно долго уламывать руководство конвойного полка или заказывать заранее, с кондачка не получится даже у такого, как Барибан.

Через пятнадцать минут все стало понятно: Сташис находится за городом и до обозначенного времени к следователю никак не успеет, так что ехать на свидание к Николаю Остаповичу Барибану придется Ромке.

Значит, нарисовался некто Фадеев Виталий Аркадьевич... Понятно, что Леонида Чекчурина и Татьяну Майстренко завалил не он, и не по его заказу это сделано. Слишком топорно для убийства по бизнес-мотивам. Но для суда может и сойти. Главное, чтобы Колюбаев проработал наметившуюся связь Фадеева с задержанным Очеретиним. Здесь забрезжила надежда, Зарубин был уверен, что Колюбаев справится, ведь голос капитана звучал очень уверенно, когда он говорил о том, что появился хороший шанс связать мальчика-компьютерщика с крупным застройщиком, насмерть обидевшимся на госпожу Горожанову, мачеху убитого Леонида Чекчурина. В этом месте Сергей снова вернулся к мыслям о том, что надо бы присмотреться к этому сдержанному и явно неглупому оперу. Работать-то некому, с кадрами беда бедовая...

И все-таки странно: парни начали искать в разных направлениях, а сошлось на Фадееве. Может, он на самом деле как-то причастен?

— Антон, ты далеко от дома Фадеева? — вклинился в разговор Зарубин.

— Навигатор показывает семь минут, а что? — послышался из динамика голос Сташиса.

— Колюбаев тоже туда намылился, но он едет со стороны Рязанки, ему еще минут двадцать пилить.

— А он-то с какого...?

— У него зацепка появилась, вроде бы имя Очеретина проскакивало где-то рядом с Фадеевым.

Антон помолчал, усмехнулся.

— Понял. Так что, начальник? Как распорядишься? Уступить место в очереди? Или ждать его и дальше всем вместе?

— Дождись его сначала и отправляй в контору, пусть будет на подхвате, если Барибан захочет ехать людей допрашивать.

— Кузьмич, боюсь, не прокатит, Барибан сказал, что не хочет никого рядом с собой видеть, кроме нас с Ромкой.

— Плевать я хотел на то, что он там хочет, — зло произнес Зарубин. — Дзюба поедет к нему докладывать, но потом он мне самому нужен. У оперов свои начальники, если ты не забыл, и в данном случае это я, а не Барибан. Если что — Колюбаев ему понравится, Николай Остапович даже уважает таких вот политически грамотных, которые глотка не сделают, пока сто раз не подуют.

— Ну гляди, — протянул Сташис. — Ты начальство, тебе виднее.

Сергей откинулся на спинку сиденья и прикрыл глаза. Следствие совсем обалдело, берегов не чувствует. Носятся со своей процессуальной самостоятельностью, как с писаной торбой, и до того доносились, что решили, будто могут розыскниками командовать и выбирать, с кем им работать, а с кем — нет. А ничего, что Следственный комитет и МВД — это два разных ведомства и уголовный розыск следователям не подчиняется? Да провалилось бы оно всё!

СТАШИС

Подходящий «карман» для парковки нашелся совсем рядом с домом Фадеева, буквально метров триста оставалось доехать.

— Мимо не проскочат, — уверенно констатировал Антон. — Будем ждать.

Виктор достал телефон.

— Поищу пока жену Фадеева в соцсетях, — сказал он.

— А что, понравилась? — рассмеялся Сташис. — Красивая, это правда.

Лейтенант смутился.

— Да при чем тут... Я для дела.

— Давай-давай.

Через некоторое время Виктор с досадой произнес:

— Черт, здесь какая-то яма, эль-тэ-е слетает, четыре-джи тоже, только трешка работает, а она грузит в час по чайной ложке.

Минут через пятнадцать-двадцать в зеркале заднего вида показалась машина Колюбаева — темно-зеленый «БМВ». Антон вышел из салона ■

и встал так, чтобы его было хорошо видно. Автомобиль притормозил рядом с ним. Женя Есаков опустил стекло и удивленно спросил:

— А вы здесь как?

Антон нагнулся, просунул голову в окно.

— Парни, на пару слов. Есть новая вводная от руководства.

Есаков и Колюбаев подошли к нему, Витя Вишняков тоже встал рядом. «Ни дать ни взять, бандитская стрелка, — с усмешкой подумал Сташис. — Сейчас и разборка начнется, будем выяснять, чьи пироги пышнее».

— Мы на Фадеева вышли, — сказал он без длинных предисловий.

— Мы тоже, — моментально отреагировал Есаков.

Сташис успел заметить полный ярости взгляд, которым Дима Колюбаев хотел, кажется, испепелить старшего лейтенанта, но тот ничего не заметил и возбужденно продолжал:

— Источник в УБЭПе дал нам инфу, что Фадеев знаком с Очеретиным, так что все в цвет. А у вас что? Какие зацепки?

Если бы взглядом можно было убить, Женя Есаков наверняка уже свалился бы замертво.

— Боюсь, что ваш источник ошибся. — Антон с сожалением покачал головой. — Перепутал фамилии. Не Очеретин, а Черединов. Это водитель Фадеева. Звучит похоже, много одинаковых букв, так что ошибка вполне понятная и простительная. А, кстати, почему Фадеев? Вы же вроде ехали про Тремасова узнавать?

Он видел, что с каждым произнесенным им словом лицо Есакова делается все более растерян-

ным, а Дмитрий бледнеет, отчего его смугловатая гладкая кожа приобретает нездоровый пепельный оттенок.

— Пока узнавали, как раз Фадеев и выплыл. Он нам показался более перспективной фигурой с точки зрения, так сказать, поставленных задач.

Колюбаев выдавил из себя улыбку, но от Антона не ускользнуло выражение его глаз. «Не дожить тебе до вечера, Женя», — мысленно отметил он.

— Нам тоже так показалось, — он широко улыбнулся, — и поэтому мы здесь. Сейчас все и выясним, а вам Зарубин велел возвращаться на Петровку, вы ему там нужны.

— Слушай, Антон, это нечестно, — возразил Колюбаев. — Информация наша, и мы должны ее проверить сами.

— Она ошибочная.

— Не факт. Может быть, ошибаешься как раз ты, а не мой источник.

— Может быть. — Антон пожал плечами. — И мы с Витей это узнаем. Ты собираешься спорить с руководством, которое велит тебе возвращаться?

— Я так понимаю, руководство — это ты? — Дмитрий даже не пытался скрыть язвительность.

— Руководство — это полковник Зарубин. Можешь ему прямо сейчас позвонить и убедиться.

— Почему он сам мне не позвонил, а через тебя передает?

— Вот и спроси у него. Парни, давайте без обид, ладно? Вчетвером вваливаться глупо, люди испугаются, начнут скандалить и вызванивать адвокатов, а это никому не нужно. Мы вдвоем сделаем все тихо

и аккуратно. И вашу информацию обязательно проверим.

Они препирались еще несколько минут, после чего Колюбаев и Есаков со злыми и расстроенными лицами отбыли в сторону Москвы. Разговор вышел, конечно, малоприятным, но, с другой стороны, разве на оперативной работе бывают приятные беседы? И конкуренцию в раскрытии никто не отменял, особенно когда группа больше двух человек и версий много: кто ж не хочет лишний раз попасть в справку, тем более по делу, которое на особом контроле? Антон прислушивался к себе и с неудовольствием понимал, что радуется. Не хорошо это — радоваться неудачам товарищей, но очень уж не хотелось ему, чтобы Кузьмич всерьез озаботился переводом Колюбаева к ним в управление. Если кого и брать, то Витю Вишнякова, а не этого хитромудрого опера с Юго-Запада. Кузьмича, конечно, можно понять, ему как начальнику легче руководить именно таким, как Колюбаев, но ведь Дима и подставить может, если сочтет, что так лучше для соблюдения политических интересов верхнего руководства. А Витя простой и пока еще честный паренек, клад, может, и не найдет, но уж точно не подставит.

С охранником, несущим службу у ворот дома Фадеева, все вышло далеко не так легко и просто, как с давешним Александром, который с готовностью вызвался помочь, поскольку речь шла об убийстве сына хозяина. Здесь пришлось изворачиваться и придумывать на ходу, уверяя, что господин Фадеев, разумеется, ни в чем не может подозреваться, но вот поведение госпожи Горожановой

вызывает некоторое беспокойство, в связи с чем возникла необходимость побеседовать с домохозяйками и попросить их ответить буквально на пару вопросов.

— Если вам нужен Виталий Аркадьевич, поезжайте к нему в офис, — упрямо твердил охранник. — Или присылайте повестку.

— Зачем же мы будем беспокоить такого занятого человека по пустякам? — миролюбиво разводил руками Антон Сташис. — Нам бы с персоналом поговорить накоротке, они ведь люди наблюдательные, хотя с ними обычно никто не считается, их даже не замечают, а вот они, наоборот, на все обращают внимание и все запоминают. Горожанова со своим мужем бывала в этом доме, и наверняка кто-то что-то...

В общем, охранника удалось уболтать.

— Я должен позвонить Виталию Аркадьевичу, пусть он сам распорядится, — твердо заявил страж ворот. — Если он разрешит вас впускать, тогда ладно.

— Конечно, звони.

Охранник отошел на несколько шагов и вытащил телефон. Судя по репликам, трубку взял не Фадеев, который в этот момент находился на важных переговорах, и собеседником бдительного сотрудника охранного агентства был некто по имени Артем.

— Точно? — переспросил охранник. — Уверен? Ну смотри, если что — ты будешь крайним.

Кажется, этот невидимый Артем — человек вполне вменяемый, к тому же точно знает, что за Фадеевым ничего такого нет, и беседа оперов с персо-

налом никакой опасности в себе не таит. А может, наоборот, просто глупый и беспечный.

— Ну, как Виталий Аркадьевич? — невинно спросил Сташис. — Разрешил? Или велел нас выгнать?

— Виталий Аркадьевич занят, — с важным видом сообщил охранник. — Но Артем разрешил.

— Артем — это кто?

— Помощник, правая рука. Только не надейтесь, что вы войдете и будете по всем комнатам шароухаться, — строго предупредил он, идя вместе с ними к дому. — Я за этим прослежу.

«Да уж, — с неожиданной тоской подумал Сташис, — времена изменились кардинально. Когда-то человека с милицейским удостоверением пропускали всюду и безропотно, но это было так давно... Теперь полицию ни в грош не ставят, и любой охранник считает себя вправе нам отказывать, не пускать, запрещать. Кто-то же виноват в том, что так стало. Но кто?»

— А кто сейчас в доме? — спросил Вишняков. — Много обслуги?

— Две горничные делают уборку, повариха на кухне, больше никого. А, еще напарник мой.

— И все? — уточнил Антон.

— Ну, Снежана, жена Виталия Аркадьевича, но она же не обслуга.

— Ясно. А водитель Фадеева?

— Володька? Так он хозяина с утра повез, что ему тут делать-то?

— Ага, понял, — с деланой рассеянностью кивнул Сташис. — А Матвей? Он только при Фадееве здесь бывает или в его отсутствие тоже?

Охранник резко остановился и с подозрением посмотрел на оперативников.

— Какой Матвей? — строго спросил он.

— Очеретин, который по компьютерам. Из фирмы «Сталк-Модем».

— Не знаю такого. Снежана сама справляется, она ловкая, а если у Виталия Аркадьевича что-то не клеится, то Артем все налаживает. Никакого Матвея здесь не бывает.

— Да ладно, — недоверчиво протянул Витя Вишняков. — Нам в «Сталке» все уши прожужжали про то, какие они надежные и что среди их клиентов такие известные бизнесмены, прям чуть ли не из списка Форбса. Тремасова называли, Горожанову, Фадеева тоже, хвастались, какая у них репутация.

— Впервые слышу. По электрике, бойлерам, ну и, вообще, по всему инжинирингу у хозяев договор с фирмой, которая весь поселок обслуживает, оттуда Константин Олегович приходит регулярно, а с компами они сами управляют.

— Странно, — задумчиво протянул Антон, — а мне в «Сталк-Модеме» говорили, что Очеретин сюда периодически приезжал. Обманули, наверное. Для красного словца брякнули, чтобы цену себе набить.

— Наверное, — равнодушно согласился охранник и распахнул перед ними входную дверь.

Дом у Фадеева оказался большим, намного просторнее того, в котором проживали депутат и его супруга. Антон подумал, что, наверное, Чекчурина и Горожановой не с руки пихать всем в глаза свое истинное благосостояние, они, поди, на загранич-

ной недвижимости отрываются в полный рост, а в столице скромничают; Фадееву же скрывать нечего, кому придет в голову спрашивать у крупного бизнесмена, откуда у него столько денег.

Холл, за исключением плиточного пола, был отделан древесиной, источающей приятный, чуть терпковатый запах. Стены пустые, ни картин, ни фотографий, ни охотничьих трофеев, и во всем помещении ни малейших признаков «богачества» вроде столиков с мраморными столешницами, антикварных кресел или невероятной дороговизны напольных ваз. Простое почти квадратное помещение, лестница, ведущая наверх, и несколько дверей; одна оказалась полуоткрытой, и из-за нее доносились звуки какой-то задорной песенки на непонятном языке.

— Ждите здесь, — велел охранник, — я людей позову.

Он стал подниматься по лестнице, и Антон понял, что сначала пригласят горничных. Вряд ли кухня находится выше первого этажа, в нее, скорее всего, выход прямо из холла. И кто же это у нас любитель такой музычки? Уж не повариха ли? Наверняка молоденькая, возрастные тетки такое вряд ли слушают.

— Глянь-ка, что там, — обратился он к Виктору, мотнув головой в сторону приоткрытой двери.

Молодой оперативник двинулся в указанном направлении. Антон не смог совладать с любопытством и пошел следом, хотя собирался стоять на месте и контролировать лестницу в ожидании зловредного охранника, который наверняка разозлится, увидев, что незваные гости нарушают вы-

двинутое им требование «не шарохать по дому». Вишняков осторожно открыл дверь, и Антон увидел большую светлую комнату, по всей видимости, столовую, с длинным деревянным столом и стульями, вокруг которых танцевала, изгибаясь и потряхивая длинными волосами, та самая красавица с фотографии. Снежана. Жена Фадеева, которую им охарактеризовали как веселую и прикольную девушку. На столе стоял открытый ноутбук, из которого и лилась та задорная песенка, а Снежана, пританцовывая, произносила вслух отдельные слова в унисон с музыкантами. Зрелище показалось Антону настолько неземным, завораживающим, каким-то инопланетным, что он замер, не дойдя до порога.

А Виктор ничуть, по-видимому, не впечатлился, спокойно вошел в комнату и произнес несколько непонятных слов. Снежана заметила его, остановилась, взглянула изумленно и тоже сказала что-то на неизвестном Сташису языке. Это был точно не английский, не французский и не немецкий, их Антон различал на слух, хотя более или менее владел только английским. Что происходит?

Девушка, наконец, заметила Сташиса и махнула рукой в приветственном жесте.

— Здрасьте, а вы кто? — спросила она и тут же стала совсем обыкновенной.

— Антон, — глупо ответил Сташис.

— А ты? — обратилась она к Виктору, стоявшему молча. — Чего не отвечаешь? Я же спросила тебя, кто ты и что здесь делаешь.

— Извините, — пробормотал он. — Я не понял.

— Так ты что, по-корейски не говоришь, что ли? ■

— Нет, я в школе немецкий учил, и то еле-еле.

— Вот блин! Ты же сказал: «Пусть солнце всегда светит в твоё окно». Я тебе и ответила. Прикалываешься, что ли?

— Нет, я просто повторил последние несколько слов, которые услышал. Я не знал, что они означают.

Снежана недоверчиво сощурила свои огромные глаза.

— Что, вот просто услышал и повторил?

— Ну да.

— И корейский никогда не учил?

— Никогда.

— Офиге-еть, — протянула она восхищенно. — Ты так точно произнес, даже почти без акцента. Врешь, так не бывает, наверное, ты учил все-таки. Ладно, а вы кто такие вообще?

— Мы из полиции, — подал голос Антон, которому удалось наконец прийти в себя.

Глаза Снежаны тут же перестали сиять, теперь в них плескалась тревога.

— Что-то с Фадеевым? Авария? Он в порядке?

— Не беспокойтесь, — поспешил заверить ее Сташис, — с вашим мужем все нормально, он сейчас на переговорах и знает, что мы здесь. Мы были бы вам очень признательны, если бы вы согласились ответить на несколько вопросов о гостях, которые бывали в вашем доме. Мы рассчитывали поговорить только с домашним персоналом, но если бы вы тоже...

— Та-а-ак, — раздался зычный голос охранника. — Я же сказал ждать и никуда не соваться! Виталий Аркадьевич не давал разрешения беспокоить

жену, вы только об услуге договаривались. Всё, больше никаких разговоров, давайте-ка на выход.

Он решительно шагнул к Антону, явно намереваясь схватить его за плечо и вытурить из дома, но вмешалась Снежана.

— Ну ты чего, Олежка? Раз люди приехали, значит, им нужно. Что мне, жалко на вопросы ответить?

И правда, нормальная вроде девица, без фанаберии. Как-то мало она похожа на молодую жену богатого далеко не юного папика.

Послышались шаги спускавшихся по лестнице двух горничных, женщин в возрасте от сорока до пятидесяти.

— С моей комнатой закончили? — спросила Снежана, обращаясь к ним. — Тогда я пошла к себе.

Она схватила свой ноутбук и кивнула Вишнякову:

— Идем, полиглот, чего стоишь? Дернем по кофейку, и я отвечу на все твои вопросы. Заодно и проверим, ты действительно на слух так суперски ловишь или все-таки гонишь.

Охранник скорчил недовольную мину, глядя, как Виктор вслед за женой хозяина идет к лестнице, и Антон демонстративно развел руками, мол, договоренности — это, конечно, святое, но против слова хозяйки не попрешь. А молодой-то — не промах, как выяснилось, и слух у него хороший, абсолютный, наверное. И интуиция работает как надо. Вряд ли он успел мгновенно просчитать ситуацию, для этого нужно или быть гением, или иметь огромный опыт. Опыта у Вити нет, это точно, да и на гения он как-то плохо смахивает. ■

Значит, действовал по наитию. Наитие сработало быстро, значит, реакция у парня отменная, недаром он в спорте преуспел. Будем надеяться, что со Снежаной он не растеряется и не оплошает. Нет, пусть Кузьмич до упора проталкивает своего Колубаева, а он, подполковник Сташис, намерен до последнего биться за Витю Вишнякова. У этого паренька огромный потенциал. Плохо только, что об этом не знают ни окружающие, ни сам Виктор.

— Милые дамы, — обратился он к горничным, — постараюсь надолго вас не задерживать. Прошу!

Он широким жестом пригласил их в столовую, отметив выражение крайнего неудовольствия на лице охранника, который явно рассчитывал присутствовать при беседе и все проконтролировать и прямо перед носом которого Антон Сташис так невежливо закрыл дверь, ведущую в холл. Перебьется.

ВИШНЯКОВ

Не обманул чекчуринский охранник Александр, жена у Фадеева действительно веселая и простая девчонка. Даже удивительно: неужели у богатых бизнесменов бывают такие жены? Наверное, бывают, раз вот она, сидит прямо перед ним на широченной кровати, скрестив в позе лотоса голые длинные ноги, едва прикрытые коротенькими шортиками. В доме и в самом деле очень тепло, даже жарковато, и Виктор снял куртку еще внизу, в холле. И теперь он, в самом обыкновенном сером свитере и джинсах, чувствовал себя грязным пятном на рисунке с розочками.